

Янь Хэцин вернулся в дом семьи Янь в семь вечера.

Он сложил зонт, капли дождя стекали по его поверхности, падая на бетон со звуком: кап-кап.

Старый дом плохо изолирован от шума — даже сквозь железную дверь было отчётливо слышно весёлое оживление в доме.

Янь Хэцин вытащил ключ, вставил его в замочную скважину, повернул налево — дверь со скрипом открылась.

Это старый тип жилья —ходишь и сразу попадаешь в гостиную.

На чайном столике — крупная клубника, которой при нём в доме никогда бы не появилось, и котёл с тушёными рёбрышками ягнёнка.

Поздней осенью, во время дождя, семья, собравшаяся за горячим бульоном — это по-настоящему уютно.

На обратном пути Янь Хэцину всё не шла из головы сцена из романа.

Эта картина была точно такой же, как описано в книге, до мельчайших деталей.

Чжао Хуэйлинь взяла у Лу Мучи задаток в сто тысяч юаней, довольная купила своему сыну клубнику по сто юаней за килограмм и тушёные рёбрышки из баранины.

А потом, глубокой ночью, когда Янь Хэцин возвращался домой весь избитый, Чжао Хуэйлинь, завидев следы на его теле, посмотрела на него с презрением.

Деньги — это прекрасно.

А Янь Хэцин — грязь.

С самого начала, с момента, как она его усыновила, Чжао Хуэйлинь знала: этот ребёнок — бесстыжий маленький оболститель.

Кожа у него нежнее, чем у девочек, черты лица — красивые, изящные, даже дети-актёры с телевидения и рядом не стояли с Янь Хэцином.

С возрастом Янь Хэцин становился всё красивее. Несколько раз Чжао Хуэйлинь сама видела, как какие-то мужчины из жилого комплекса покупали ему сладости.

Лисёнок!

В таком возрасте уже умеет соблазнять мужчин!

Чжао Хуэйлинь сочла это позором и жестоко избивала Янь Хэцина. Когда он отказался признаться, она заперла его на сутки без еды и без туалета.

Если бы отказ от ребёнка не считался преступлением и не мог повлиять на их с мужем работу, она бы уже давно вышвырнула Янь Хэцина вон.

Настоящая неудача! Они с мужем решили усыновить его только потому, что считали себя бесплодными, думали, что никогда не смогут иметь детей. А на следующий год у них родился здоровый крепкий сын.

С тех пор, как появился собственный ребёнок, она и смотреть-то не могла на Янь Хэцина.

Все эти годы Чжао Хуэйлинь строго следила, чтобы Янь Хэцин не приближался к её сыну, боялась, что тот испортит её сокровище.

Когда Лу Мучи пришёл, чтобы забрать Янь Хэцина, Чжао Хуэйлинь холодно усмехнулась: “Как и ожидалось”.

Она схватила метлу, собираясь прогнать Лу Мучи.

“Три миллиона в год”, — сказал Лу Мучи, стоя у входа. Его брови были нахмурены, он не хотел заходить в такую убогую халупу.

Метла остановилась. Чжао Хуэйлинь оцепенела.

“Что?”

“Янь Хэцин ведь ваш приёмный сын? Отдайте его мне. Три миллиона в год”.

У Чжао Хуэйлинь глаза полезли на лоб.

Она за всю жизнь столько не заработает! В груди и презрение, и зависть.

Лисёнок остаётся лисёнком — дорого стоит.

Хотя... это правда? Неужели такое в самом деле возможно?

Она оглядела Лу Мучи с ног до головы — молодой, но костюм дорогой, не похоже на ложь.

Раз так, может, можно вытянуть ещё больше?

Глаза Чжао Хуэйлинь забежали, она изобразила мучительную нерешительность: “Я столько лет растила Хэцина, между нами сильная привязанность, я боюсь, что...”

Она замолчала на полуслове и украдкой глянула на Лу Мучи.

Тот уже всё знал про семью Янь и, чуть усмехнувшись, сказал:

“Завтра пусть Янь Хэцин сам ко мне придёт. Пять миллионов”.

Чжао Хуэйлинь остолбенела. Когда Лу Мучи ушёл, она, едва сдерживая восторг, зажала рот руками, от радости несколько раз притопнула на месте, потом захлопнула дверь и бросилась в комнату звонить: “Милый! Мы сказочно разбогатели...”

*

Когда Янь Хэцин вдруг вернулся, смех Чжао Хуэйлинь резко оборвался.

Она поспешно открыла ящик чайного столика, убрала туда крупную клубнику и недовольно спросила: “Чего так рано вернулся?”

Янь Шэнбинь тоже боялся, что Янь Хэциня “вернули”, а пять миллионов улетели впустую. Он вскочил с места и поспешно спросил: “Подписали? Молодой господин Лу...”

“Кхе-кхе!” — прервала его Чжао Хуэйлинь, достала из кармана несколько сотен юаней и сунула сыну: “Фэнфэн, иди, поиграй немного”.

Она вовсе не хотела, чтобы её любимый сыночек слышал о позоре, который устроил Янь Хэцин.

Янь Фэн уже давно хотел выйти погулять: “Ага!”

Он взял деньги, сунул их в карман и, закатив глаза, тут же начал строить планы.

Он ненавидел Янь Хэцина. Тот вообще не его брат! Папа говорил, что Янь Хэцин — беспризорный сирота, никому не нужный. Зачем ему вообще нужно так хорошо учиться? Из-за него мама не пускает гулять, всё заставляет сидеть дома и делать уроки.

Только что мама ещё сказала, что Янь Хэцин поступил в престижный университет. Теперь и он, Фэн, должен будет поступать в какой-нибудь крутой вуз и его уже записали на курсы.

Из-за него играть нельзя! Он отомстит!

Янь Фэн с ненавистью уставился на Янь Хэцина.

На этот раз он обязательно наступит ему на ногу!

Он обожал топтать Янь Хэцина. Тот даже не смел уворачиваться: стоит ему отскочить — Фэн пожалуется отцу и тот начнёт пинать Янь Хэцина. Тот уже несколько раз получал, потому теперь и стоит смиренно, позволяя топтаться на себе.

Фэн теперь весит больше 75 килограммов — силы хватает!

Он подошёл к двери, нарочно переобулся в ботсы с шипами, и, проходя мимо порога, прицелился на ногу Янь Хэцину и со всей силы наступил.

Неожиданно Янь Хэцин отступил в сторону.

Бум!

Он угодил прямо в дверной порог.

“Аууу!” — завыл Янь Фэн, пронзённый острой болью, казалось, ступня треснула.

Он тут же повернулся жаловаться: “Ма-а-ам, па-а-ап...”

Но Чжао Хуэйлинь не собиралась с ним возиться: увидев, что он мешкает, просто вытолкала его за дверь и захлопнула её.

Янь Фэн был так зол, что всё его лицо дрожало, но постучать в дверь не решился. Насупившись, состроил гримасу, прихрамывая, спустился вниз.

За дверью Чжао Хуэйлинь не могла дождаться: “Янь Хэцин, говори быстро, контракт подписан?”

Янь Хэцин с холодным выражением лица ответил: “Не подписан”.

“Ты с ума сошёл?!” — Янь Шэнбинь с размаху ударил по чайному столику, вскочил и уже занёс

руку, чтобы врезать ему пощёчину: “Я тебя убью!”

Лицо Чжао Хуэйлинь и вовсе побелело. Из тех ста тысяч она уже потратила больше десяти на фирменную сумочку, а если теперь придётся возвращать...

Глаза тут же наполнились слезами, она разрыдалась навзрыд: “Цинцин, ты же вчера сам пообещал! Мама двенадцать лет себя во всём ограничивала, чтобы вырастить тебя! Ты должен отплатить за доброту!”

Янь Хэцин впервые перехватил руку Янь Шэнбиня, оттолкнул её и спокойно сказал: “Пять миллионов — это слишком мало”.

Слишком велико было изумление — Янь Шэнбинь даже не обратил внимания, что Янь Хэцин осмелился ему сопротивляться. Его рот раскрылся от удивления.

Пять миллионов — и это мало?! Причём пять миллионов в год! Даже если этому молодому богачу наскучит Янь Хэцин, начальная цена всё равно пять миллионов!

Мышцы на лице Янь Шэнбиня дёрнулись.

“Хватит болтать! Сейчас же пойдёшь и подпишешь!” И на всякий случай добавил: “Я пойду с тобой! Чтобы сразу: один — человека, другой — деньги”.

Чжао Хуэйлинь оказалась сообразительнее Янь Шэнбиня. Слов Янь Хэцина ей хватило, чтобы всё осознать, будто холодной водой окатило.

Лу Мучи явно не обычный богач. Такой влиятельный и богатый, что пять миллионов для него — сущие пустяки! Действительно слишком мало.

Пока Янь Хэцин ещё нарасхват, нужно срочно выбить побольше, чтобы сыну на будущую жену хватило!

С ресниц Чжао Хуэйлинь ещё не высохли слёзы, но она уже сияла улыбкой, тепло зазывая Янь Хэцина: “Цинцин, ты, наверное, голодный? Давай сначала поешь, остальное потом обсудим. Бараньи хвостики только что сварились, горячие-прегорячие, ешь побольше, это полезно. Посмотри, как ты похудел...”

Янь Шэнбинь не понял, к чему это она, и есть уже не хотелось. Он развалился на другой стороне дивана, то вздыхая, то мрачно затягиваясь сигаретой.

Янь Хэцин сел.

Ему было восемнадцать. Он страдал от серьёзного истощения: при росте 181 сантиметр весил всего 51 килограмм. Ему срочно нужно было восполнять питание.

Янь Хэцин ел очень изящно, с ягненка соскребая каждую нить мяса до блеска.

Рядом Чжао Хуэйлинь так и глаз не сводила от зависти, сжимаясь от досады. Одно дело его утешать, а деньги совсем другое. Импортный ягнёнок стоит недёшево, она-то потушила крохотный горшочек, нерешаясь тронуть его, всё берегла для сына, а теперь Янь Хэцин съел всё до крошки!

Не успела она ещё вдоволь пожалеть, как Янь Хэцин отложил палочки и открыл ящик стола.

Когда Чжао Хуэйлинь увидела у него в руках блюдо с ярко-красной большой клубникой, она вскрикнула: “Но это же стоит сто юаней за цзинь!” — и вскочила с места.

Янь Хэцин спокойно кивнул: “Нельзя есть?”

Чжао Хуэйлинь почувствовала сегодня в нём что-то неладное: обычно он молчалив и сдержан, но не так... как-то подавляет.

Она сглотнула и улыбаясь сквозь досаду: “Нет-нет, просто... мы ещё не вымыли ягоды”.

Янь Хэцин встал, держа блюдо: “Я сам помою”.

Ярко-красная, крупная, отборная клубника источала плотный аромат. Это была самая любимая ягода Линь Фэнчжи.

Янь Хэцин никогда раньше не пробовал клубнику. Он вымыл ягоды, взял одну и откусил.

Девяносто процентов сладости и десять кислоты, во рту осталось приятное благоухание.

Янь Хэцин подумал: оказывается, клубника такая вкусная.

Неудивительно, что Линь Фэнчжи её так любит.

Он опустил взгляд и откусил ещё кусочек сочной мякоти.

Прости, брат...

На этот раз вкус клубники хочу попробовать и я.

*

“Одна, две, три...” — Чжао Хуэйлинь стояла у двери кухни и считала клубнику, пока, не выдержав, не вбежала внутрь, выхватила блюдо и с недовольным лицом сказала: “Оставь немного брату! Он ещё ни одной не ел”.

Янь Хэцин ничего не ответил, только спокойно посмотрел на неё.

Чжао Хуэйлинь вдруг почувствовала себя неловко под этим взглядом. Она прижала к себе клубнику и пробормотала: “Ну подумаешь, клубника... Ты ещё наешься. У того молодого господина Лу денег куры не клюют”.

Янь Хэцин по-прежнему молчал. Чжао Хуэйлинь махнула рукой, развернулась и быстро вышла, чтобы позвать Янь Шэнбина в гостиную поесть клубнику.

У Янь Хэцина на лице всё так же не отражалось никаких эмоций. Он включил воду, тщательно вымыл руки, одну за другой, затем вернулся в комнату.

Хотя “комнатой” это назвать сложно — это была половина балкона. На одной стороне сушили бельё, посередине стояла деревянная перегородка, а вторая половина служила спальней Янь Хэцину.

В узком пространстве висела синяя занавеска, стояла маленькая кровать длиной в метр — и больше туда уже ничего не помещалось.

Янь Хэцин был высоким, и чтобы поместиться на кровати, ему приходилось спать, поджав ноги.

Тем не менее, этот крошечный уголок он содержал в идеальной чистоте.

Свежее постельное бельё пахло стиральным порошком. На подоконнике стояли аккуратной стопкой книги, рядом прозрачная бутылочка из-под спирта, в которую была поставлена одна белая гладиолусовая веточка.

В воздухе едва уловимо витал густой цветочный аромат.

Янь Хэцин снял обувь, залез на кровать, встал на колени и вытащил книгу в синей обложке. В середине между страницами лежала банковская карта.

Искать Линь Фэнчжи больше нет нужды — эти деньги теперь он должен использовать с умом, ради себя.

За день он узнал слишком много нового и чувствовал сильную усталость. Убрав карту, Янь Хэцин лёг, не раздеваясь, свернулся калачиком под одеялом и уснул.

В полудрёме ему слышалось, что кто-то стучит в дверь.

Тук-тук-тук.

Громко, без стеснения, в поздней ночной тишине — прямо по нервам.

“Кто там ещё, среди ночи!” — Чжао Хуэйлинь, накинув одежду, включила свет и, ворча, пошла открывать.

Когда дверь распахнулась, свет из коридора осветил пришедшего. Его плащ всё ещё источал сладковатый аромат сливок.

Чжао Хуэйлинь тут же сменила выражение лица и с нарочитой любезностью спросила:

“Молодой господин Лу, вы так поздно к нам по какому делу?”

Внутри у неё всё ликовало.

Пришёл посреди ночи, значит, очень надо. Можно смело набавлять цену.

Пять с половиной миллионов? Шесть?

Лу Мучи не стал с ней разговаривать. Он прошёл мимо, прямо взглянув на подростка, стоящего у выхода на балкон.

В тусклом свете на лице Янь Хэцина отчётливо проступали утончённые черты. Сейчас он был ещё больше похож на Линь Фэнчжи.

Где-то внутри Лу Мучи что-то мгновенно отозвалось.

Лу Мучи не собирался подавлять своё желание. Перед игрушкой ему не нужно было себя сдерживать.

Только такой драгоценности, как Линь Фэнчжи, стоило дарить бережность и заботу.

Он практически насилывал Янь Хэцина взглядом. Достал бумажник, вытащил пачку купюр и взмахнул рукой — розовые банкноты, как снежинки, закружились в воздухе.

В его хриплом голосе горел яростный жар: “Янь Хэцин, немедленно пойдём со мной”.

<http://bllate.org/book/15726/1407416>